DOI: 10.17976/jpps/2022.03.13

А ПОГОВОРИТЬ? СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЕ

В.Д. Бедерсон

БЕДЕРСОН Всеволод Дмитриевич, кандидат политических наук, независимый исследователь, Пермь, email: vsbederson@gmail.com

Бедерсон В.Д. 2022. А поговорить? Социально-организационные характеристики коллективных действий в современной Москве. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 176-191. https://doi.org/10.17976/2022.03.13

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (грант МК-328.2020.6). Автор выражает благодарность Вячеславу Логинову за помощь со сбором данных, Элеоноре Минаевой и Андрею Семёнову за советы и рекомендации.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2021. Принята к публикации: 14.10.2021

Аннотация. В центре внимания статьи – мобилизация и коллективные действия современных москвичей. Автор выявляет социально-организационные факторы, влияющие на коллективные действия москвичей. Исследование основывается на теориях доверия и социального капитала, а также теориях организационной плотности и мобилизации ресурсов. Работа базируется на результатах массового репрезентативного социологического опроса в 30 районах Москвы, а также данных о зарегистрированных в этих районах некоммерческих организациях. На основе анализа научной литературы автор выдвигает теоретическое ожидание связи между характеристиками взаимодействий и коммуникации людей, а также организационными структурами, с одной стороны, и вовлеченностью граждан в различные типы коллективных действий: как политические, так и неполитические, – с другой. Разработанные формальные модели, базирующиеся на методе логистической регрессии, частично подтверждают гипотезы. Ожидания в отношении связи формы управления домом, частоты межперсональных соседских взаимодействий, наличия собственности на недвижимость, а также срока резидентства не показали статистически значимой связи с участием граждан в коллективных действиях. Напротив, факторы коммуникации – вовлеченность в дела дома (участие в собраниях и подобное) и вовлеченность в соседские/районные социальные сети и мессенджеры – оказались значимыми и показали положительную связь с участием в коллективных действиях всех типов. Организационные факторы также показали положительную связь: плотность гражданских ассоциаций оказалась связана с участием москвичей в коллективных действиях. Результаты фиксируют, что общение в институциональных формах – важное условие для мобилизации москвичей к участию в коллективных действиях разных типов: одновременно и политизированных в виде публичных протестных акций, и неполитизированных в виде благотворительности или субботников.

Ключевые слова: коллективные действия, мобилизация, организационные структуры, НКО, гражданский активизм.

Введение

Москва – политический центр современной России не столько потому, что в ней расквартированы национальные органы власти, офисы политических партий или общественных движений, но потому, что в городе сосредоточена интенсивная общественная и политическая жизнь: от множества низовых урбанистических, экологических или благотворительных инициатив до масштабных протестных акций или электоральных успехов оппозиции. В связи с этим представляется значимым рассмотреть, сложились ли какие-то устойчивые характеристики среди отдельных горожан или сообществ, которые могли бы указать на вариацию или динамику гражданской мобилизации и коллективных действий. В исследовании я опираюсь на материалы репрезентативного массового опроса, проведенного среди москвичей в сентябре 2020 г., а также на данные о плотности некоммерческих организаций, имеющих регистрацию в районах Москвы, и пытаюсь с помощью аппаратов социологических теорий определить предикторы, способствующие участию или неучастию горожан в коллективных действиях разных типов.

Теоретическая логика

Мобилизация на уровне локальных сообществ в литературе объясняется по двум направлениям. Первое – теория социального капитала, которая аргументирует в качестве предикторов коллективных действий локального сообщества степень соседского доверия, близость и интенсивность социальных контактов внутри сообщества, а также коммуникацию и уровень обменов между представителями сообщества [Putnam 2000; Aldrich, Meyer 2015]. Второе – институциональный подход, объясняющий возможность и характеристики коллективных действий сообщества организационными структурами [Shorter, Tilly 1971; McCarthy, Zald 1977; Tilly 1978; McAdam, McCarthy, Zald 1996; Kriesi 1996]. Второй подход предполагает, что взаимодействия между людьми и качество их контактов связаны с имеющимися организационными условиями. Организационные условия не заменяют собой чувство принадлежности к группе или уровень межличностного доверия, но структурируют взаимодействия людей, обеспечивают условия для коммуникации, помогают решать проблему издержек от коллективных действий [Snyder, Kelly 1976; Tilly 1978].

Р. Сэмпсон и коллеги в проекте по изучению динамики гражданской активности и коллективных действий американцев с 1970 по 2000 г. на материалах Чикаго проверяли названные теории и показали, что большей объяснительной силой обладают организационные факторы [Sampson et al. 2005]. Исследователи рассматривали эволюцию гражданских действий американцев и спорили с Р. Патнэмом, который указывал на спад гражданского поведения [Putnam 2000]. Сэмпсон и коллеги показали, что жители Чикаго не стали меньше вовлекаться в общественную жизнь города, но изменились формы этого участия.

Согласно институциональному подходу, коллективным действиям предшествует этап мобилизации, когда концентрируются ресурсы группы и/или привлекаются внешние ресурсы. Мобилизация, в свою очередь, связана с организационными структурами, которые задают условия для взаимодействия людей, позволяют им иметь общий опыт и сохранять принадлежность к группе, а также сокращать социальные издержки [McCarthy, Zald 1977;

McAdam, McCarthy, Zald 1996]. При этом плотность организационных структур (количество и распространенность гражданских объединений) бывает положительно связана с уровнем гражданской и политической активности: исследования это показывали на примере забастовочной активности и профсоюзных структур [Shorter, Tilly 1971; Aminzade 1973; Snyder 1975; Lind 1974], правозащитных, женских, экологических или городских движений и соответствующих гражданских ассоциаций [Kriesi 1996; Bell, Clay, Murdie 2012]. Гражданские ассоциации, НКО могут выступать базой организационной среды для мобилизации граждан, а в авторитарных режимах еще и для демобилизации и мониторинга общественных настроений.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ

Вопрос исследования: какие социально-организационные факторы влияют на коллективные действия разных типов среди москвичей? Я обращаюсь к современной Москве в качестве эмпирического материала, так как этот мегаполис потенциально может обеспечить широкую вариацию в коллективных действиях горожан и значительную районную вариацию – за счет численности и плотности населения, размера территории, социальной инфраструктуры и специфического политико-институционального устройства.

Москва выбрана еще и потому, что территориально представляет собой 125 районов (муниципальных образований), которые, согласно исследованиям, на протяжении всего постсоветского периода характеризуются пространственной дифференциацией [Ноздрина 2006; Махрова, Голубчиков 2012; Kashnitsky, Gunko 2016]. Ученые отмечают, что на 2010-е годы пришелся рост коллективных инициатив москвичей внутри своих районов и микрорайонов, которые выражаются в практиках *Do it yourself*, стихийных акциях противостояния уплотнительной застройке или конструирования локальной идентичности через соседские группы в социальных сетях [Argenbright, De Klerk, Malhotra 2016; Sawhney et al. 2015; Шомина 2015; Павлов 2016; Тыканова, Тенишева 2020]. И. Мерсиянова и И. Корнеева, анализируя данные мониторинга состояния гражданского общества в России, показывают, что в сравнении с Россией в целом москвичи скорее демонстрируют и информированность о некоммерческих организациях и неформальных гражданских объединениях, и вовлеченность в их деятельность [Мерсиянова, Корнеева 2015]. Также я обращаюсь к соседской/районной гражданской активности еще и потому, что исследования указывают на устойчивую связь уровня активизма с владением недвижимостью в постсоветском контексте [Gerber, Zavisca 2018], а также на наличие связи между политическим поведением москвичей и программой преобразования территорий и строительных фондов – такой как реновация [Smyth 2018]. Данные о протестной активности в России в региональном сравнении отдают Москве первое место по количеству акций в год [Семенов 2019], что определенно связано с размерами населения города, его столичным статусом, уровнем жизни, стоимостью земли и вытекающими из этого коммерческими интересами. Таким образом, Москва представляет собой адекватный эмпирический пример для ответа на поставленный исследовательский вопрос.

Настоящее исследование в качестве реферативного имеет исследование Сэмпсона и др. о динамике гражданской активности в Чикаго. В отличие от Чикаго, где десятилетиями естественным образом складывались районные со-

общества и соседские организационные структуры (церковные приходы, досуговые клубы, объединения избирателей, волонтерские группы и проч.) [Lindner 1996], в Москве формирование районов отчасти наследует дореволюционной естественной традиции, но в большей степени является результатом нисходящей административной практики советского периода [Аверьянов, Алферова, Авилова 2014]. За постсоветские годы ситуация частично изменилась, важную роль в формировании соседских сообществ стал играть прирост населения за счет миграции из регионов [Звоновский, Меркулова 2015]. При этом гражданская активность в Москве развивается вследствие экспансии в городское пространство строительного и девелоперского бизнеса – ликвидации зеленых территорий, уплотнительной застройки, проектов реконструкции или сноса исторической застройки, а также проблем, связанных с расселением ветхого жилья, рекреационными зонами и др. [Семенов 2019; Argenbright 2016; Зверев 2017].

Городская гражданская активность, соседские инициативы и вовлеченность в гражданские ассоциации в современной России, в частности в Москве, уже становились предметом академических исследований. Результаты опросов указывают на то, что москвичи характеризуются более высоким уровнем межличностного доверия, чем россияне в целом [Мерсиянова, Корнеева 2015]. Л. Полищук и соавторы на примере пространственного распространения товариществ собственников жилья (ТСЖ/ТСН) показали, что значимое условие для эффективной деятельности гражданских объединений для управления общим имуществом и проблемами совместного проживания – социальный капитал [Полищук, Борисова, Пересецкий 2010]. Исследование связи между типом социального капитала и эффективностью городских администраций в городах России также указало на то, что уровень межперсонального доверия, общение и готовность вовлекаться в деятельность гражданских ассоциаций положительно связаны с качеством публичного управления на локальном уровне [Полищук 2011]. И. Шагалов на примере Кирова показал, что подотчетность местной власти зависит от социального капитала, формирующегося во взаимодействиях горожан на базе органов территориального общественного самоуправления (ТОСов) [Шагалов 2014]. В. Звоновский и Д. Меркулова, анализируя соседскую солидарность жителей новых районов в Самаре, Ростове-на-Дону и Кемерово, указывают на склонность граждан к активному выстраиванию межличностных знакомств, соседских отношений и регулярных взаимодействий [Звоновский, Меркулова 2015], часто платформой для такого рода коммуникаций выступают районные/соседские паблики в социальных сетях [Павлов 2016; Бабкин 2018; Hampton, Wellman 2003]. В работах отмечается, что виртуальные площадки коммуникации – социальные сети и мессенджеры – выступают не только местами для общения, выработки доверия и идентичности участников, обмена социальным капиталом, но и позволяют решать проблему коллективного действия, снижать издержки на координацию [Enikolopov, Makarin, Petrova 2020; Чернышева 2020]. Это позволяет нам предполагать, что организационные структуры и вовлеченность в объединения разного рода могут быть рассмотрены в качестве предикторов для коллективных действий.

Гражданская активность в Москве активно изучается, но исследования преимущественно основываются на отдельных или нескольких кейсах – конфликтах, движениях, сообществах или районах [Greene 2014; Журавлев, Савельева, Ерпылева 2014; Kalyukin, Borén, Byerley 2015; Aidukaite, Fröhlich

2015; Argendright 2016; Büdenbender, Zupan 2017; Gorokhovskaia 2018; Королева, Чернова 2018; Fröhlich 2020], хотя отдельные исследовательские проекты касаются поиска вариации между районами Москвы в их социальных характеристиках [Пузанов, Степанцов 2014]. Известно, что неполитические по своей тематике вопросы могут приобретать политическое звучание, например, в условиях Москвы как крупного города с дорогой землей и недвижимостью вопросы защиты зеленых территорий от застройки, защиты памятников архитектуры сноса/реконструкции, несогласованные крупные инфраструктурные проекты провоцируют граждан на мобилизацию [Клеман, Мирясова, Демидов 2010; Argenbright 2016; Fröhlich 2020]. Исследования показывают, что у москвичей есть потенциал вовлечения в коллективные действия и локальные социальные движения, а также что гражданские активисты в последние несколько лет политизируются и не только активнее участвуют в неполитических гражданских акциях, но и манифестируют политические амбиции [Gorokhovskaia 2018; Zhelnina 2019]. Несмотря на высокую степень изученности московского материала, недостает более обобщенного анализа факторов, способствующих гражданской мобилизации москвичей.

Москва – мегаполис с устойчивыми районными сообществами[1], где, как показывает политическая практика и подтверждают исследования, горожане проявляют множество активностей. В качестве зависимой переменной я принимаю участие горожан в публичных коллективных действиях разных форматов. Для ответа на наш исследовательский вопрос необходимо разделить зависимую переменную на два вида.

1) Гражданско-политические коллективные действия – публичные протестные акции (митинги, пикеты, марши, стихийные собрания или акции прямого действия), касающиеся вопросов:

– экологии, строительства, градозащиты;
– местной политики;
– прав человека, правозащиты.

2) Социально-благотворительные коллективные действия – не выражаются в протестах, но направлены на коллективное участие:

– в помощи социально уязвимым группам;
– символических акциях или акциях памяти;
– акциях по благоустройству локальных территорий.

Я ожидаю, что коллективные действия внутри районных сообществ связаны с такими социально-организационными факторами, как: (А) характеристики взаимодействия, коммуникации и доверия людей, (Б) плотность организационных структур и опыт вовлеченности в их деятельность. Таким образом, в качестве независимых переменных я принимаю следующее.

(А) Факторы социальных взаимодействий, коммуникации и доверия

Более тесные и регулярные взаимодействия с соседями как в реальной жизни, так и через онлайн-сервисы должны способствовать большей вовлеченности в коллективные действия. Я исхожу из теоретического ожида-

[1] Я предполагаю эту устойчивость. Нет прямых данных, чтобы это доказать, но косвенные политические события могут говорить в пользу этого. Так, электоральная мобилизация оппозиционных кандидатов на выборах в муниципальные советы в 2019 г. выстраивалась тактически из работы с соседскими сообществами, их инициативами и неформальными структурами.

ния, что межличностные взаимодействия и доверие соседей друг к другу складываются на базе коллективных структур жильцов по управлению общим имуществом домов: ТСЖ или советов домов [Полищук, Борисова, Пересецкий 2010]. Также вероятно, что солидарность, доверие и плотность взаимодействий связаны с вовлеченностью жителей в соседские/районные паблики в социальных сетях или тематических мессенджерах [Бабкин 2018]. Кроме этого, литература указывает, что стабильность резидентства и наличие недвижимости в собственности также способствуют большему вовлечению в дела сообщества, в том числе в коллективные действия [Sampson, Morenoff, Earls 1999; Schieman 2005; Gerber, Zavisca 2018]. На основе вышесказанного сформулируем гипотезы.

H1a: Более плотное взаимодействие с соседями по дому и району положительно связано с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

H1b: Более высокая степень доверия к соседями по дому и району положительно связана с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

H2a: Вовлеченность в деятельности ТСЖ или совета дома положительно связана с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

H2b: Вовлеченность в соседские/районные паблики в социальных сетях или тематические мессенджеры положительно связана с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

H3: Длительность проживания в районе и наличие недвижимости в собственности положительно связаны с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

(Б) Организационные факторы

– Вовлеченность в деятельность некоммерческих организаций и низовых инициативных групп;

– плотность некоммерческих организаций.

Участие в деятельности гражданских ассоциаций и их плотность должны быть положительно связаны с гражданским участием. Горожане, активно вовлеченные в деятельность НКО или неформальных инициативных групп, будут демонстрировать бо́льшую вовлеченность в коллективные действия. Также я ожидаю, что плотность некоммерческих организаций связана с участием горожан в коллективных действиях: чем больше и чем распространеннее НКО, тем скорее горожане будут участвовать в коллективных действиях. Полагаю, что вовлеченность в деятельность правозащитных, экологических и иных НКО широкого гражданского профиля больше связана с мобилизацией горожан для участия в гражданско-политических массовых публичных акциях, чем в социально-благотворительных. И напротив, вовлеченность в деятельность благотворительных НКО, менее чувствительных к контексту действующего политического режима, скорее будет связана с мобилизацией горожан для участия в социально-благотворительных мероприятиях.

H4a: Вовлеченность в деятельность некоммерческих организаций или низовых инициативных групп положительно связана с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

H4b: Вовлеченность в деятельность правозащитных, экологических и правозащитных НКО больше связана с участием горожанина в коллективных действиях гражданско-политического типа.

H4c: Вовлеченность в деятельность благотворительных НКО больше связана с участием горожанина в коллективных действиях социально-благотворительного типа.

H5: Плотность некоммерческих организаций в районе положительно связана с участием горожанина в коллективных действиях всех типов.

ДАННЫЕ

Ключевые данные – результаты репрезентативного социологического уличного опроса, проведенного для настоящего исследования "Левада-Центром"[2] в сентябре 2020 г. среди граждан с московской регистрацией. Всего респондентов – 662 человека в 30 районах Москвы, выборка была квотирована по районам пропорционально численности населения в них. С помощью результатов опроса я операционализирую зависимую переменную, а также основной массив независимых переменных для индивидуального уровня. В исследовании используются также данные о плотности НКО в районах Москвы, взятые из открытых источников Министерства юстиции РФ. Из списка всех НКО в Москве для анализа были исключены те, которые по российскому законодательству относятся к НКО, но содержательно не выражают целей гражданских ассоциаций: адвокатские объединения, общественные учреждения, образовательные организации, нотариальные палаты, госкорпорации и негосударственные пенсионные фонды. Всего в базе данных 29 361 наблюдение, из этого массива были отобраны НКО, имеющие официальную регистрацию в 30 районах Москвы, в которых был проведен опрос (4 278 наблюдений). В табл. 1 представлено распределение ответов респондентов на ключевые вопросы анкеты.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов респондентов на ключевые вопросы анкеты, N = 662, % от всех опрошенных

Distribution of respondents' answers to key questions of the questionnaire, N = 662, % of all respondents

Форма управления домом	ТСЖ / ТСН / ЖСК / Непосредственное управление / другое	30
	Управляющая компания	62
	Затрудняюсь ответить	8
Форма собственности квартиры	Собственник(ца)	76
	Арендую/другое	23
	Затрудняюсь ответить	1
Участие в публичной акции по вопросам защиты исторической архитектуры, экологии, строительства за последние 12 мес.	Участвовал(а) хотя бы раз	5
	Не участвовал(а)	95
Участие в публичной акции по вопросам политики, управления, выборов за последние 12 мес.	Участвовал(а) хотя бы раз	5
	Не участвовал(а)	95
Участие в публичной акции по вопросам защиты прав человека за последние 12 мес.	Участвовал(а) хотя бы раз	3
	Не участвовал(а)	97

[2] Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции "иностранного агента".

Продолжение таблицы 1

Участие в благотворительной акции за последние 12 мес.	Участвовал(а) хотя бы раз	20
	Не участвовал(а)	80
Участие в благоустройстве территории за последние 12 мес.	Участвовал(а) хотя бы раз	26
	Не участвовал(а)	74
Длительность проживания в районе	Менее 5 лет	13
	5-20 лет	28
	Более 20 лет или всю жизнь	59
Доверие соседям	Полностью / в некоторой степени доверяю	68
	Не очень / совсем не доверяю	27
	Затрудняюсь ответить	5
Взаимодействие (общение и помощь) с соседями	Часто / время от времени	54
	Редко / совсем нет	44
	Затрудняюсь ответить	2
Участие в деятельности ТСЖ или совета дома	Участвую	15
	Не участвую / нет такого	85
Участие в районных пабликах в социальных сетях или мессенджерах	Участвую	17
	Не участвую	83

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Чтобы для анализа использовать метод логистической регрессии, зависимая переменная преобразована в биномиальный вид.

– Участие/неучастие в гражданско-политических мероприятиях. В опросе это было отражено в вопросах об участии в протестных акциях (митингах, пикетах, шествиях) на тему экологии, политики или прав человека за последние 12 месяцев. В итоговых моделях я использую объединенную переменную, которая показывает участие или неучастие в протестной акции на любую из названных тем за последние 12 месяцев.

– Участие/неучастие в социально-благотворительных мероприятиях. В опросе это было отражено в вопросах про участие в благотворительных акциях или субботниках за последние 12 месяцев. В итоговых моделях я также использую объединенную переменную.

В табл. 2 представлено распределение респондентов по участию и неучастию в коллективных действиях разных типов.

Независимые переменные разделены для анализа в четырех моделях. В первой и второй я анализирую социальные и коммуникативные факторы: уровень доверия к соседям, форма управления домом, плотность взаимодействия с соседями, обладание собственностью на недвижимость, длительность проживания в районе, вовлеченность в дела дома и вовлеченность в соседские/районные паблики в социальных сетях или тематические мессенджеры. Третья и четвертая модель – это организационные факторы: плотность НКО в районе (в логарифмированном виде), вовлеченность в деятельность экологических или правозащитных НКО, вовлеченность в деятельность бла-

готворительных НКО, вовлеченность в деятельность инициативных групп по проблемам района или города. Метод анализа – логистическая регрессия.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение респондентов по участию и неучастию в коллективных действиях разных типов, N = 522

Distribution of respondents by participation and non-participation in collective actions of different types, N = 522

Гражданско-политические мероприятия		Социально-благотворительные мероприятия	
Участвовал(а)	**Не участвовал(а)**	**Участвовал(а)**	**Не участвовал(а)**
44 (9%)	478 (91%)	198 (38%)	324 (62%)

В табл. 3 приведены результаты анализа по первым двум моделям. Гипотеза о том, что форма управления домом, где ТСЖ создает особые условия для мобилизации и коллективных действий, не подтвердилась, не обнаружена статистическая значимость и предиктора, оценивающего доверие респондентов к соседям. Не подтвердились гипотезы о связи вовлеченности респондентов в коллективные действия с плотностью взаимодействий с соседями, обладанием собственности на недвижимость и длительностью проживания в районе. При этом положительную статистическую значимость показала вовлеченность респондента в дела своего дома и участие в соседских/районных пабликах в социальных сетях или мессенджерах. Респондент, который ответил, что принимает участие в собраниях ТСЖ/ТСН/ЖСК или в деятельности совета дома, при прочих равных с вероятностью в 2,3 раза принимал участие в гражданско-политических коллективных действиях за последний год и в 2,2 раза – в благотворительных мероприятиях или субботниках. Еще более интересный результат с переменной про вовлеченность в соседские/районные паблики и мессенджеры: респондент, который ответил, что подписан или активно участвует в пабликах или мессенджерах, при прочих равных с вероятностью в 4,5 раза скорее принимал участие в протестных акциях за последний год и с вероятностью в 2,5 раза – в благотворительных акциях или субботниках.

Анализ по этим моделям показывает, что общение и взаимодействие соседей друг с другом, даже онлайн, работает в качестве предиктора для мобилизации и формирования коллективных действий. Имеющиеся данные не позволяют прямо это подтвердить, но можно предположить, что обсуждение соседских проблем и вопросов в социальных сетях и мессенджерах работает как канал минимизации издержек на распространение информации о планируемых гражданско-политических или благотворительных мероприятиях. Также это позволяет снизить порог входа в коллективное действие – решить личный вопрос присоединения к событию и ассоциирования с ним. Значимость предиктора вовлеченности в дела дома подтверждает общее теоретическое ожидание о значимости межперсонального взаимодействия для мобилизации и коллективных действий. При этом сам уровень доверия или форма управления домом не показали статистической значимости. Полагаю, можно сделать вывод о некоторой тавтологичности: в любые коллективные действия вовлекаются те, кто и так является активным жителем этого дома или района.

Таблица 3 (Table 3)

Социальные и коммуникативные факторы коллективных действий разных типов

Social and communicative factors of collective actions of different types

	Гражданско-политические мероприятия (1)			Благотворительность и субботники (2)		
Предикторы	**Отношение шансов**	**Стандартная ошибка**	**Статистика**	**Отношение шансов**	**Стандартная ошибка**	**Статистика**
(Intercept)	0,01***	0,01	-4,81	0,25**	0,11	-3,16
Форма управления дома – ТСЖ/ТСН/ЖСК	1,19	0,43	0,46	0,88	0,18	-0,62
Доверие к соседям	1,27	0,54	0,57	1,22	0,30	0,83
Частота общения/ взаимодействий с соседями	0,73	0,28	-0,83	1,36	0,29	1,40
Собственность на недвижимость	1,57	0,75	0,95	0,97	0,28	-0,10
Длительность проживания в районе – менее 5 лет	2,88	2,37	1,28	1,68	0,67	1,30
Длительность проживания в районе – 5-20 лет	3,73	3,11	1,58	1,75	0,72	1,36
Длительность проживания в районе – более 20 лет или всю жизнь	3,50	2,88	1,52	1,06	0,43	0,14
Вовлеченность в деятельность ТСЖ или совета дома	2,32*	0,89	2,19	2,19**	0,58	2,96
Вовлеченность в районные паблики в соцсетях или мессенджерах	4,50***	1,66	4,08	2,48***	0,65	3,48
Количество	522			522		
Коэффициент детерминации (R^2 Tjur)	0,090			0,087		
Информационный критерий Акаике	289,053			667,228		

* p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Табл. 4 показывает результаты анализа по моделям, в которых проверялись организационные факторы. Респонденты, проживающие в районах с более высокой плотностью НКО (в логарифмированном виде), скорее принимали участие в протестных акциях за последний год с вероятностью в 1,95 раза, а в благотворительных акциях или субботниках – с вероятностью в 1,2 раза, оба показателя статистически значимые. Респонденты, вовлеченные в деятельность экологических или правозащитных НКО, принимали участие в протестных акциях за последние 12 месяцев скорее с вероятностью в 12,6 раза. В отношении таких респондентов и участия в благотворительности или субботниках предиктор имеет положительную связь, но статистически не значим. Обратная ситуация с переменной “вовлеченность в деятельность благотворительных НКО”: респонденты, которые участвуют в работе таких организаций, принимали

участие в благотворительных мероприятиях или субботниках за последний год с вероятностью в 9,7 раза. Фактор низовых инициативных групп по проблемам района/города также имеет значение: респонденты, вовлеченные в деятельность таких гражданских объединений, принимали участие в благотворительности или субботниках за последние 12 месяцев с вероятностью в 4,2 раза.

Таблица 4 (Table 4)

Организационные факторы коллективных действий разных типов

Organizational factors of collective action of different types

	Гражданско-политические мероприятия (1)			Благотворительность и субботники (2)		
Предикторы	**Отношение шансов**	**Стандартная ошибка**	**Статистика**	**Отношение шансов**	**Стандартная ошибка**	**Статистика**
(Intercept)	0,00***	0,00	-6,02	0,15***	0,06	-4,67
Плотность НКО в районе (log)	1,95***	0,39	3,36	1,22*	0,10	2,32
Вовлеченность в экологические или правозащитные НКО	12,64***	6,15	5,21	1,64	0,82	1,00
Вовлеченность в благотворительные НКО	1,89	0,82	1,47	9,68***	3,38	6,49
Вовлеченность в инициативные группы по проблемам района или города	2,08	0,98	1,56	4,17***	1,64	3,62
Количество	522			522		
Коэффициент детерминации (R^2 Tjur)	0,228			0,215		
Информационный критерий Акаике	234,953			588,217		

* p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Результаты анализа подтверждают значимость плотности организационных структур в мобилизации и коллективных действиях применительно к Москве. В коллективные действия вовлекаются скорее респонденты, проживающие в районах плотной концентрации гражданских ассоциаций, при этом вне зависимости от персонального опыта или частоты взаимодействий с ними. Респонденты, вовлеченные в деятельность НКО, участвуют в таких коллективных действиях, которые согласуются с профилем этих организаций. Здесь тоже можно говорить о некоторой эндогенности: в публичных акциях разных типов принимают участие те, кто и так активен в своих гражданских практиках. В этом смысле протестные акции, благотворительные мероприятия или субботники – только формы для проявления гражданской активности и без этого активных горожан. Гипотеза Н4а подтвердилась отчасти: опыт вовлеченности в деятельность профильных НКО ассоциируется только с профильными коллективными действиями и перекрестного активизма здесь не наблюдается, а вовлеченность в низовые инициативные группы любого профиля связана с участием в социально-благотворительных мероприятиях и не имеет статистически значимой связи с участием в протестных акциях.

Заключение

Проведенный анализ позволяет частично подтвердить выдвинутые гипотезы. Так, не обнаружена статистически значимая связь участия граждан в коллективных действиях с формой управления домом, частотой межперсональных соседских взаимодействий, наличием собственности на недвижимости, сроком резидентства. Напротив, факторы коммуникации – вовлеченность в дела дома (участие в собраниях и подобное) и в соседские/районные социальные сети и мессенджеры – оказались значимыми и показали положительную связь с участием в коллективных действиях всех типов. Организационные факторы также показали положительную связь: плотность гражданских ассоциаций (число НКО в логарифмированном виде) связана с участием москвичей в коллективных действиях. При этом организационный фактор значим для коллективных действий разных типов: наличие организационной инфраструктуры, которая позволяет минимизировать трансакционные издержки, издержки на информацию, на принятие решений и упросить выработку групповой идентичности, способствует вовлечению граждан в совместные коллективные действия вне зависимости от политической значимости или же, напротив, политической нейтральности целей мобилизации. Впрочем, мы также видим, что вовлечение в профильные НКО связано с участием в коллективных действиях по профилю деятельности этих НКО и не связано с мобилизацией для коллективных действий других типов.

Исходя из таких результатов, можно заключить, что мобилизация для участия в коллективных действиях свойственна гражданам, вовлеченным в различные форматы общения и взаимодействия с другими людьми, в частности соседями по дому, району или же с членами общественных организаций или инициативных групп. Для москвичей общение является важным условием для мобилизации к участию в коллективных действиях различных типов: одновременно и политизированных в виде публичных протестных акций, и неполитизированных в виде благотворительности или субботников. Общение в институциональных формах позволяет как накапливать взаимное доверие между людьми, обсуждать проблемные вопросы района в мессенджерах или на волонтерских собраниях при общественной организации и, тем самым, вырабатывать коллективную идентичность, так и снижать издержки на координацию действий, на сбор и интерпретацию информации, а также обмениваться гражданским/активистским опытом. Эти заключения вряд ли открывают что-то принципиально новое, но, скорее, подтверждают объяснительные мощности теоретических моделей на российском (московском) материале.

Полученные результаты также показывают более общую динамику гражданских движений в современных политиях на субнациональном уровне. Мы убеждаемся, что фактор коммуникаций становится все более и более значимым и может перетекать в практические общественно-политические действия. Если какое-то время назад устойчиво считалось, что виртуальная политическая активность в виде обсуждений в социальных сетях не может проявлять себя в реальной политике и гражданской активности, то по результатам анализа мы наблюдаем обратный тренд. Также результаты указывают на невысокую политическую активность горожан, но на высокую активность в неполитических коллективных действиях. Эти выводы сообщаются со сложной динамикой гражданской и политической активности в развитых странах.

Для продолжения исследовательской логики в отношении изучения роли плотности НКО для мобилизации и коллективных действий стоит более четко определить плотность не только через количество юридически зарегистрированных организаций в районе, но и взвесить их на численность населения района: так можно будет уточнить потенциальную близость и доступность организационной инфраструктуры для горожан. Также отдельно стоит уточнить, какие именно НКО лучше встроены в районную жизнь и каким образом они взаимодействуют с соседскими сообществами. С точки зрения формальной модели имеет смысл применить многоуровневую регрессию, чтобы более адекватно оценить связь индивидуальных характеристик в виде ответов респондентов с районными характеристиками в виде организационной плотности. Помимо сказанного, развитие исследования возможно в направлении изучения районной вариации: связаны ли между собой социально-организационные характеристики респондентов и структурные характеристики самих районов.

DOI: 10.17976/jpps/2022.03.13

HOW ABOUT A CONVERSATION? SOCIO-ORGANIZATIONAL CHARACTERISTICS OF COLLECTIVE ACTION IN CONTEMPORARY MOSCOW

V.D. Bederson[1]

[1] *Perm, Russia*

BEDERSON, Vsevolod Dmitrievich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), independent researcher, email: vsbederson@gmail.com

Bederson, V.D. (2022) How about a conversation? Socio-organizational characteristics of collective action in contemporary Moscow. *Polis. Political Studies,* 3, 176-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.13

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences (grant MK-328.2020.6). The author is grateful to Vyacheslav Loginov for help with data collection, Eleonora Minaeva and Andrey Semenov for advice and recommendations.

Received: 25.04.2021. Accepted: 14.10.2021

Abstract. The focus of this study is the mobilization and collective action of contemporary Moscow citizens. The research question deals with the socio-organizational factors that influence collective actions of different types among citizens. The research is based on theories of trust and social capital, as well as organizational density and resource mobilization. The key source of data in the article is the results of a mass representative survey in 30 districts of Moscow, as well as data on NGOs registered in these districts. Based on the analysis of literature, the author puts forward a theoretical assumption about the relationship between the characteristics of interactions and communication of people, as well as organizational structures – with the involvement of citizens in various types of collective actions. The formal models partially confirm the hypotheses. Expectations regarding the relationship between the form of home management, the frequency of interpersonal neighborhood interactions, the ownership and the length of residence did not show a statistically significant relationship with citizens' participation in collective actions. In contrast, communication factors – involvement in home affairs (participation in meetings and similar activities) and involvement in neighborhood / district social networks and messengers – turned out to be significant and showed a positive association with participation in collective actions of all types. Organizational factors also showed a positive relationship: the analysis suggests that the density of civic associations is associated with the participation of citizens in collective action. At the same time, the organizational factor is significant for collective actions of various types. The results indicate that for Moscow citizens communication in institutional forms is an important pre-condition for mobilizing citizens to participate in collective actions of various types: both politicized in the form of public protest actions and non-politicized in the form of charity or subbotniks.

Keywords: collective action, mobilization, organizational structures, NGOs, civic activism.

References

Aidukaite, J., & Fröhlich, C. (2015). Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 35(7/8), 565-580. https://doi.org/10.1108/IJSSP-01-2015-0002

Aldrich, D.P., & Meyer, M.A. (2015). Social capital and community resilience. *American Behavioral Scientist*, 59(2), 254-269. https://doi.org/10.1177/0002764214550299

Aminzade, R. (1973). Revolution and collective political violence: the case of the working class of Marseille, France, 1830-1871. Working Paper 86. Center for Research on Social Organization, University of Michigan.

Argenbright, R. (2016). Moscow under construction: city building, place-based protest, and civil society. Lanham, MD: Lexington Books.

Bell, S. R., Clay, K. C., & Murdie, A. (2012). Neighborhood watch: spatial effects of human rights INGOs. *The Journal of Politics*, 74(2), 354-368. https://doi.org/10.1017/S0022381611001642

Büdenbender, M., & Zupan, D. (2017). The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015. *Antipode*, 49(2), 294-313. https://doi.org/10.1111/anti.12266

Enikolopov, R., Makarin, A., & Petrova, M. (2020). Social media and protest participation: evidence from Russia. *Econometrica*, 88(4), 1479-1514. https://doi.org/10.3982/ECTA14281

Fröhlich, C. (2020). Urban citizenship under post-Soviet conditions: Grassroots struggles of residents in contemporary Moscow. *Journal of Urban Affairs*, 42(2), 188-202. https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1617035

Gerber, T., & Zavisca, J. (2018). Civic activism, political participation, and homeownership in four post-Soviet countries. *PONARS Eurasia*. https://www.ponarseurasia.org/memo/civic-activism-political-participation-and-homeownership-four-post-soviet-countries

Gorokhovskaia, Y. (2018). From local activism to local politics: the case of Moscow. *Russian Politics*, 3(4), 577-604. https://doi.org/10.1163/2451-8921-00304006

Greene, S.A. (2014). Moscow in movement: power and opposition in Putin's Russia. Stanford, CA: Stanford University Press.

Hampton, K., & Wellman, B. (2003). Neighboring in Netville: how the Internet supports community and social capital in a wired suburb. *City & Community*, 2(4), 277-311. https://doi.org/10.1046/j.1535-6841.2003.00057.x

Kalyukin, A., Borén, T., & Byerley, A. (2015). The second generation of post-socialist change: Gorky Park and public space in Moscow. *Urban geography*, 36(5), 674-695. https://doi.org/10.1080/02723638.2015.1020658

Kashnitsky, I., & Gunko, M. (2016). Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of the housing market. *Cities*, 59, 30-39. https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.025

Kriesi, H. (1996). The organizational structure of new social movements in a political context. In D. McAdam, J. McCarthy, & M. Zald (Ed.), *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* (Cambridge Studies in Comparative Politics) (pp. 152-184). Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511803987.009

Lind, J. (1974). Political power and collective action: British and Swedish labor movements, 1900-1950. Ann Arbor, MI: University of Michigan.

Lindner, R. (1996). The reportage of urban culture: Robert Park and the Chicago School. New York, NY: Cambridge University Press.

McCarthy, J.D., & Zald, M.N. (1977). Resource mobilization and social movements: A partial theory. – *American journal of sociology*, 82(6), 1212-1241. https://doi.org/10.1086/226464

McAdam, D., McCarthy, J.D., & Zald, M.N. (Ed.). (1996). Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511803987

Putnam, R.D. (2000). Bowling alone: America's declining social capital. In L. Crothers, C. Lockhart (Ed.), *Culture and Politics* (pp. 223-234). New York, NY: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62397-6_12

Sampson R.J., Morenoff J.D., & Earls F. (1999). Beyond social capital: spatial dynamics of collective efficacy for children. *American Sociological Review*, 64(5), 633-660. https://doi.org/10.2307/2657367

Sampson, R.J., McAdam, D., MacIndoe, H., & Weffer-Elizondo, S. (2005). Civil society reconsidered: The durable nature and community structure of collective civic action. *American Journal of Sociology*, 111(3), 673-714. https://doi.org/10.1086/497351

Sawhney, N., De Klerk, C., & Malhotra, S. (2015). Civic engagement through DIY urbanism and collective networked action. *Planning Practice & Research*, 30(3), 337-354. https://doi.org/10.1080/02697459.2015.1054662

Schieman, S. (2005). Residential stability and the social impact of neighborhood disadvantage: a study of gender-and race-contingent effects. *Social Forces*, 83(3), 1031-1064. https://doi.org/10.1353/sof.2005.0045

Shorter, E., & Tilly, C. (1971). The shape of strikes in France, 1830-1960. *Comparative Studies in Society and History*, 13(1), 60-86. https://doi.org/10.1017/S0010417500006113

Smyth, R. (2018). How the Kremlin is using the Moscow renovation project to reward and punish voters. *PONARS Eurasia*. https://www.ponarseurasia.org/memo/kremlin-using-moscow-renovation-project-reward-punish-voters

Snyder, D. (1975). Institutional setting and industrial conflict: comparative analyses of France, Italy and the United States. *American Sociological Review*, 40(3), 259-278. https://doi.org/10.2307/2094458

Snyder, D., & Kelly, W. R. (1976). Industrial violence in Italy, 1878-1903. *American Journal of Sociology*, 82(1), 131-162. https://doi.org/10.1086/226273

Tilly, C. (1978). From mobilization to revolution. New York, NY: McGraw-Hill.

Zhelnina, A. (2019). National and urban politics converge in Moscow: will local activism prevail? *Metropolitics*. URL: https://metropolitics.org/National-and-Urban-Politics-Converge-in-Moscow-Will-Local-Activism-Prevail.html (accessed 10.12.2020).

Aver'yanov, K.A., Alferova, A.M., & Avilova, K.V. (2014). Moskva. Istoriya rajonov [Moscow. District history]. Moscow: AST. (In Russ.)

Babkin, A.A. (2018). Micro district online communities as potential agents of public policy in the Volgograd Region. *Koncept*, 11. (In Russ.) http://e-koncept.ru/2018/183075.htm

Chernysheva, L.A. (2020). Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 36-66. (In Russ.) https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2

Kleman, K., Miryasova, O., & Demidov, A. (2010). Ot obyvatelej k aktivistam: zarozhdayushchiesya social'nye dvizheniya v sovremennoj Rossii [From philistines to activists: emerging social movements in contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata. (In Russ.)

Koroleva, M.N., & Chernova, M.A., (2018). Urban activism: management practices of authorities as resources and barriers for urban development projects. *Sociological Studies*, 9, 93-101. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250001963-2

Mahrova, A.G., & Golubchikov, O.Yu. (2012). Russian city under capitalism: social transformation of intracity space. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2, 26-31. (In Russ.)

Mersiyanova, I.V., & Korneeva, I.E. (2015). "City silence" in Moscow: prerequisites and public involvement in civil society practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 48-65. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04

Nozdrina, N.N. (2006). Development and territorial differentiation of the housing market in Moscow. *Problemy prognozirovaniya*, 6, 30-42. (In Russ.)

Pavlov, A.V. (2016). Local urban communities in social networks: between neighborhood and civilian communication. Labirint. *Journal of Social and Humanitarian Research*, 5, 46-57. (In Russ.)

Polishchuk, L.I. (2011). Social capital in Russia: measurement, analysis, impact assessment. *City Government*, 6, 83-90. (In Russ.) http://emsu.ru/face/um/2011/6/83.pdf

Polishchuk, L.I., Borisova, E.N., & Peresetsky, A.A. (2010). Managing common property in Russian cities: an economic analysis of homeowners associations. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 115-135. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-11-115-135

Puzanov, K.A., & Stepantsov, P.M. (2014). *Mekhanika Moskvy. Issledovanie gorodskoj sredy* [Mechanics of Moscow. Urban environment research]. Moscow: Moscow Institute of Social and Cultural Programs. (In Russ.) http://miscp.ru/assets/docs/mechanics-of-moscow.pdf

Semenov, A.V. (2019). The roots of the grass: patterns of grassroots urban mobilization in Russia. *Sociological Studies*,12, 29-37. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3

Tykanova, E.V., & Tenisheva, K.A. (2020). Trapped by the "neighborhood effect": social capital and activism in the new enclave condominiums. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 7-35. (In Russ.) https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1

Shagalov, I. (2014). Evaluation of the effectiveness of the institution of self-organization of citizens at the place of residence. *Society and Economy*, 7-8, 135-148. (In Russ.)

Shomina, E.S. (2015). Community centers as element of neighboring community infrastructure. *Economic and Social Research*, 4(8), 95-104. (In Russ.)

Zhuravlev, O., Savel'eva, N., & Erpyleva, S. (2014). Individualism and solidarity in the new Russian civil movements. *The Journal of Social Policy Studies*, 12(2), 185-200. (In Russ.) https://jsps.hse.ru/article/view/3384

Zverev, A.A. (2017). Political dimension of heritage preservation in Russia: case of Moscow movement Arkhnadzor. *RUDN Journal of Political Science*, 19(2), 118-129. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129

Zvonovsky, V.B., & Merkulova, D.Y. (2015). Competition and solidarity in new territorial communities. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2, 35-40. (In Russ.)

Литература на русском языке

Аверьянов К.А., Алферова А. М., Авилова К. В. 2014. *Москва. История районов*. М.: Издательство АСТ.

Бабкин А.А. 2018. Микрорайонные онлайн-сообщества как потенциальные агенты публичной политики Волгоградской области. *Концепт*. № 11. http://e-koncept.ru/2018/183075.htm

Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. 2014. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях. *Журнал исследований социальной политики*. Т. 12. № 2. С. 185-200. https://jsps.hse.ru/article/view/3384

Зверев А.А. 2017. Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 19. № 2. С. 118-129. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. 2015. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. № 2. С. 35-40.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. 2010. *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной* России. М.: Три квадрата.

Королева М.Н., Чернова М.А. 2018. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов. *Социологические исследования*. № 9. С. 93-101. https://doi.org/10.31857/S013216250001963-2

Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. 2012. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 2. С. 26-31.

Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. 2015. "Городское молчание" в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 48-65. https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.04

Ноздрина Н.Н. 2006. Развитие и территориальная дифференциация рынка жилья в Москве. *Проблемы прогнозирования*. № 6. С. 30-42.

Павлов А.В. 2016. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между "соседской" и "гражданской" коммуникацией. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 5. С. 46-57.

Полищук Л.И. 2011. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния. *Городское управление*. № 6. С. 83-90. http://emsu.ru/face/um/2011/6/83.pdf

Полищук Л. И., Борисова Е. Н., Пересецкий А. А. 2010. Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья. *Вопросы экономики*. № 11. С. 115-135. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-11-115-135

Пузанов К.А., Степанцов П.М. 2014. *Механика Москвы. Исследование городской среды*. М.: Московский институт социально-культурных программ. http://miscp.ru/assets/docs/mechanics-of-moscow.pdf

Семенов А.В. 2019. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*. № 12. С. 29-37. https://doi.org/10.31857/S013216250007746-3

Тыканова Е.В., Тенишева К.А. 2020. В плену "эффекта соседства": социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 23. № 2. С. 7-35. https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1

Чернышева Л.А. 2020. Онлайн и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 2. № 2. С. 36-66. https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2

Шагалов И. 2014. Оценка эффективности института самоорганизации граждан по месту жительства. *Общество и экономика*. № 7-8. С. 135-148.

Шомина Е.С. 2015. Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. Т. 8. № 4. С. 95-104.